

Л. В. Дорофеева

Демократия и соборность:

христианское прочтение Эсхила

в вузовском курсе литературы

Практический опыт показывает, что о православии можно говорить в лекции на любую тему, ибо мир един и все, что в нем происходит, в конечном счете восходит к Первопричине бытия.

Динамичность нашей эпохи позволяет воспринимать многие явления с принципиально разных сторон, - увы, не упраздняя нашей ограниченности, а лишь ее констатируя. Фантомы Горбачева и Ельцина, оставаясь реальными субъектами истории, продемонстрировали нам весь драматизм мира иллюзий, в котором мы живем. Не успеешь снести какие-нибудь фолианты на свалку, обольстившись необратимостью хода событий, как оказывается - поспешил: «возвращаются ветры на круги своя» - и позавчерашнее вновь в фокусе всеобщего внимания.

Такой судьбы не может избежать демократия - наша боль, весна наших надежд и «зима тревоги нашей», о которой одни говорят, что у нас ее чересчур много, другие, - что слишком мало, а третьи, что ее у нас вообще нет.

Когда на лекциях случается открыть том Эсхила, то только о де-мократии и приходится говорить - и это прекрасная возможность поговорить о ней в контексте христианских ценностей. Цель этого доклада - не принести хвалу или хулу на алтарь демократии, а соот-нести ее с соборностью - христианским идеалом, неведомым язы-ческому миру, к которому принадлежал Эсхил.

Аристотель в трактате «Политика» строил свою классификацию государственных структур по иерархической схеме, начиная с мо-нархии, и демократия оказывалась у него на нижней ступеньке - сре-ди вырожденческих форм человеческого общежития. В отличие от него, Цицерон полагал, что существуют только три форми-ческого устройства: монархия, аристократия, демократия - и все три равно прекрасны, и ни одна другой не превосходит, - беда только, что все они имеют тенденцию портиться и превращаться в тиранию, олигархию и охлократию.

Эсхилу повезло: будучи выходцем из аристократической партии, он присутствовал при самом рождении афинской демократии, свободно оценил ее достоинства, полюбил и воспел. Его не заподозришь в неискренности: в демократических Афинах «невыездных» не было - кому не нравилась демократия, могли покинуть Афины, не дожидаясь остракизма. В пользу его искренности говорит то, что Эсхил воспел демократию гениально, со всей мощью поэтического голоса. Для сравнения вспомним, как изменил талант Валерию Брюсову, когда он перешел на сторону революции, какими натужными, ходульными и выморочными стали его стихи:

Где вы, грядущие гунны,

Что тучей нависли над миром?

Слышу ваш топот чугунный

По еще не открытым Памирам.

Эти стихи парализуют волю слушателя перед надвигающейся опасностью, не воодушевляют и на соучастие с гуннами - это позиция стороннего наблюдателя, испуганного и замороженного поэзией разрушения. Конструктивные же послеоктябрьские мотивы Брюсова вообще беспомощны - не спасает ни гудение ассонансов, ни грохот анафор и других усилительных ухищрений изощренной поэтической техники.

Но голос Эсхила, воспевающего афинскую демократию, прекрасен, весом и крылат одновременно и покоряет пространства почти под стать иерихонской трубе, способный не только уронить стены, но и с равной легкостью их воздвигнуть.

Вот великолепные стихи из трагедии «Персы»:

Пронзительные трубы звоном вспыхнули,

По мановенью кормчих весла врезались

В простор соленый, вспенившись вскипела хлябь,

И ясно видим, вмиг пред нами флот предстал.

Шло головным крыло в походе правое

В сплоченье стройном. Цепь же кораблей за ним

Плыла, и слышны были крики звонкие:

«Вперед, сыны Эллады, устремитесь в бой!

Освободите алтари родных богов,

Детей и жен своих. Ведь бой идет за все!»

Под этим «все!» Эсхил разумел не только родину греков - Элладу, свободу не только от рабства, но саму идею демократии перед лицом опасности тирании персидского царя.

У Аристотеля встречается мысль о том, что «при изменении государства люди остаются теми же самими,

меняется лишь форма управления» (см.: Чанышев, А. Н. Аристотель / А. Н. Чанышев. - М.: Мысль, 1987. - С. 177). Читая Эсхила, хочется с Аристотелем в этом не согласиться. Наблюдательный человек, созерцая собственную жизнь, может заметить, что не только в течение года, месяца, недели, но даже в течение одного дня он бывает разным. Начинаешь день с благих порывов, готовый на подвиги и все лучшее, а вечером готов съесть себя за неудачный поступок или даже падение. Это же можно отнести и к народам. И у народов бывают периоды подъемов, взлетов и времена тяжелых кризисов и поражений.

Эсхил воспевал молодую, а лучше сказать - юную, цветущую демократию, когда все поголовно охвачены

энтузиазмом, полны само-отверженности, желая действовать дружно и сообща. Все прекрасны - и каждый - превосходя самого себя! - проявляет себя с самой лучшей стороны. Отсюда монументальное, а не бутафорская архитектура трагедий Эсхила, вздымающих к небу колонны его театра.

Эсхилу и в дурном сне не снилась демократия в фазе охлократии: описывать народ в таком плачевном состоянии - это уже была проблема его продолжателей Софокла и Еврипида.

Эсхил, по слухам, написал девяносто произведений. В каждом ли из них он воспел свой возлюбленный,

празднующий демократию народ, неизвестно. Но в семи из дошедших до нас пьес - определенно. Причем в каждой из них очень изобретательно и на особый лад.

В «Умоляющих» царь перед принятием решения советуется со своим народом на городской площади. В «Прометее Прикованном» народ, в принципе, не выведен на сцену, но идея демократии выводится «от противного» - через обличение Прометеем тиранического единовластия Зевса. Всего удивительнее демократия славится в «Орестейе»: здесь к голосу народного собрания (точнее, афинского ареопага) прибегают боги Олимпа, как к третьей стороне, дабы решить животрепещущий вопрос - покарать Ореста за убийство матери или помиловать. Выше оценить демократию просто невозможно!

Часто можно услышать вопрос: возможны ли евангельские прозрения у дохристианских мыслителей и художников античности. Положительный ответ на этот вопрос дает святой Серафим Саровским, замечая, что Дух Святой мог опускаться и на головы античных мудрецов: «Дух дышит, где хочет». Можно сослаться и на предыдущего оратора нашей конференции отца Александра (Салтыкова), прекрасно сказавшего, что печать Креста Животворящего лежит на всей древней культуре. В этом смысле можно назвать и Эсхила пророком соборности: его члены ареопага в «Орестейе» фактически предвосхищают христианскую идею синергии - сотворчества Бога и человека. Об этом сотворчестве будет неоднократно сказано в Новом Завете: там, где двое или трое во имя Христа, там и Он; то, что свяжут или разрешат святые на земле, будет связано или разрешено на Небесах; святое воинство будет непосредственно участвовать в качестве судей в последние дни мира и др.

Разумеется, Эсхил не может подняться до христианского понятия соборности как Небесного гражданства (Царства Небесного как созвездия царей), ибо соборность - это высшая полнота единения человеческого и Божественного, данного как тело Христово.

Христианство обогащало, среди прочих человеческих понятий, и понятие демократии. Любопытно сравнить Эсхила с Уитменом. Тот же размах, та же живая кровь, но характер стихов иной: для Эсхила демократия - это спаянный, дружный коллектив, для Уитмена демократия - это сумма индивидов, не знающая исключений. На уитменовском портрете демократии - печать христианства, для которого до-рога и драгоценна каждая овца в стаде.

Совершенная идея соборности оставляет далеко позади идею де-мократии: в христианской соборности ведущее чувство - любовь, в эсхилловской демократии любовь ощутимо теснится ненавистью: не-ненависть - пафосная черта характера Прометея, и не случайно учащи-еся, анализируя трагедию Эсхила, отмечают главный ущербный при-знак этого героя - подарив человеку огонь и цивилизацию, он не вооружил их ни техникой безопасности, ни основами нравственности.